

*Мы все уходим, чтоб назад вернуться.
Друзей найти и прошлого коснуться.
Но чет друзей бывших, у них иные лица,
И прошлое вовек не возвратится...*

Он звонил обычно по вечерам и после привычного приветствия, почти без паузы, как будто стараясь удержать в ладонях ускользающее чудо, немножко заговорщицким тоном, словно незаметно подмигивая на том конце провода, всегда спрашивал: "Хочешь первой услышать новое стихотворение?" Еще бы я не хотела! И мне, конечно же, жутко льстило - оказаться первой слушательницей строк, которые только-только выплыли из его Глубин и, может быть, даже еще не успели лечь на бумажный лист. Тогда наш недолгий диалог выходил за пределы положенных и ожидаемых слов. Иногда даже похвала бывала неуместной. Настоящая поэзия не нуждается в одобрении, как выглянувшее из-за туч солнце... Я слушала, затаив дыхание, боясь пропустить даже нотку в его голосе... Все было важно, даже интонация... Он никогда не задавал вопросов, чтобы осмыслить то, что рассужку не предназначалось, и умел слушать сердцем, не перебивая. И отвечал всегда емко, точно, немногословно, сразу переходя к сути. Наверное, благодаря именно его поддержке я не забросила писать, когда темы, которые когда-то волновали и "мурашили", вдруг почти сразу исчерпали себя и стали мне неинтересны. Он сумел найти, подобрать нужные фразы, которых мне тогда, видимо, не хватало, чтобы сказать их самой себе, и помог мне пережить эту внезапно обрушившуюся на меня паузу душевной пустоты. Поддерживал, пока я благополучно не доплыла до другого берега. Такого мощного, вдохновляющего потока веры в меня, такого количества добрых и теплых слов о моем творчестве я никогда ни от кого не слышала ни до, ни после. Он был щедр на комплименты... Его характеристики и оценки отличались такой поразительной точностью, таким попаданием "в яблочко", что даже не возникало желания спорить. Он мог убедить всего одним замечанием, которое сразу обезоруживало и заставляло согласиться, не вступая в спор. Он смотрел на мир глазами Поэта и умел всего одной строчкой остановить мгновение. Мне нечего к этому прибавить. За него и за меня говорят его стихи. Он был Мастером и мог из обычных слов творить маленькие шедевры, словно выкладывал особенной красоты мозаичные картины из простых стеклышек повседневных житейских мелочей. И он, несомненно, был Мужчиной в самом прекрасном смысле этого слова. За долгие годы личного общения он ни разу не сказал ни о ком дурного слова. Но я всегда чувствовала его отношение к человеку по особому принципу глаз, по едва заметной умешке, по изменившемуся тону его голоса. Все было ясно без слов. Он никогда не опускался до колкостей, до сарказма, тем более до резкого осуждения даже тех, чьи слов и поступков он не одобрял. Он обладал великодушием, тем редким человеческим качеством, которое свойственно столь немногим. Каждого старался оправдать, сразу включая щадящий юмор или меняя тему разговора.

Помню историю, которая парашиной осталась в душе. Одна поэтесса, наша общая знакомая, видимо, страдающая от своей недооцененности, попыталась однажды в моем присутствии пройти со мной и по его стихам. Я категорически отказалась ее слушать, за что она потом проскальзывала и по мне тяжелым катком своего языка. Но дело даже не в ней: спустя пару дней в разговоре со мной он неожиданно вспомнил об этой даме и начал так искренне, почти по-детски восхищаться каким-то ее стихотворением, что я невольно опустила глаза, вспомнив реакцию на него со стороны той, о ком он говорил сейчас восторженно и горячо. Он как будто искал причину, чтобы выразить свое восхищение человеком и лучшими проявлениями его натуры. Картина нашего знакомства и по сей день стоит у меня перед глазами... Дело в том, что самый первый мой рассказ ему принес мой муж, сославшись на ката-

чающем взгляде какой-то невысказанный подтекст. За этим особенным вниманием скрывалось нечто большее, чем обычное человеческое любопытство. Он словно меня испытывал, проверял, сканировал. Тогда я так и не поняла, чем вызвано такое явное сосредоточение на моей скромной персоне. Все прояснилось лишь спустя несколько лет, когда он признался, что вначале был абсолютно убежден в том, что рассказы написал мой муж, ловко прикрывшись женским псевдонимом, чтобы обезопасить себя от возможных насмешек в свой адрес, а вечно занятую жену, которую никто никогда в глаза не видел, просто выдумал для прикрытия. Поэтому мое появление было для него полной неожиданностью, и он хотел убедиться, та ли я, за кого себя выдаю. Но наш разговор развеял его сомнения, и он понял, что автором была все-таки я, а не мой муж, который, по его мнению, оказался настоящим класси-

ком, когда я ему позволила и он снял трубку, на том конце послышался удивленный возглас. Я обеспокоенно спросила, что случилось. И он почти сразу ответил мне своим фангастическим экспромтом, который я запомнила на всю жизнь:

*Я рад, что я давно с тобой знаком,
Что ты порой в журнале расцветаетшь
И мыслями со мною совпадаешь,
Как в даме свет сошел с твоим звоном...*

К слову о совпадениях. Буквально на другой день после того, как я принесла ему свою повесть "Беседы в разрушенном храме", в помещении редакции начался капитальный ремонт. Он тогда пошутил по этому поводу: "Вот она сила искусства - твоя повесть разрушила наш литературный храм, приходится работать среди руин..." Это было последнее произведение, которое я ему передала. И

ВСПОМИНАЯ МАНСУРА...

рофическую занятость автора. На самом деле я сама просто никак не могла решиться отнести свое творение на суд профессионалу, боясь жесткой критики и полного разноса, поэтому эту разведывательную миссию поручила мужу, полагая, что ему легче будет принять предпологаемый удар на себя. Но, к моему тогдашнему немалому удивлению, рассказ был принят и опубликован почти сразу, и к тому же без единой поправки. Но смелости это мне ничуть не прибавило, поэтому со вторым рассказом я поступила точно так же, как с первым, упорно продолжая прятаться за широкой спиной мужа. И только с третьим отважилась заявиться в редакцию "живьем". Он даже привстал из-за стола, чтобы меня рассмотреть. И все время нашей беседы я чувствовала в его пристальном изу-

ческим техпарем, но никак не гуманитарием. Ему нравилось находить и открывать новые таланты. Он искренне радовался своим "находкам", говоря о них с такой гордостью, с таким воодушевлением... Помнил каждого и каждую поименно... Иногда он звонил мне, чтобы спросить, почему так внезапно исчезла и ничего не приношу для его "литературного портфеля" (он именно так выражался). И при этом непременно добавлял: "Есть люди, которые ждут. И для них это важно". Я смеялась в ответ, считая это хитрым ходом с его стороны, чтобы меня подзадорить и подстегнуть. И тогда он начинал называть конкретные имена, чтобы убедить в том, что он не выдумывает и не обманывает меня как ребенка, который ленится делать уроки. Каждый его звонок был для меня сюрпризом, сулящим новое стихотворение. Он делился строчками, которые звучали в нем, желая вырваться наружу, чтобы быть услышанными. Ведь для этого они и приходили к нему. Он никогда не упускал возможности сообщить о том, что гонорар уже поступил, ему очень хотелось обрадовать меня и создать ощущение праздника. Чувствовал, как меня это радовало. А может, просто стимулировал, подгонял, зная о моей привычке писать "в стол"... Наверное, это прозвучит смешно и даже нелепо, но именно он убедил меня собрать документы и подать заявление в Союз писателей. Я робела, смущенно отнекивалась, считая, что пока не доросла, а он, чувствуя мое сопротивление, позволил мужу, чтобы он повлиял на меня, и, конечно, добился своего...

Он долго уговаривал меня перейти с ним на "ты", но у меня это очень плохо получалось, трудно было себя преодолеть, хотя время от времени он все же пытался меня исправлять... В последний

он читал его непривычно долго... Он предчувствовал свой ранний уход... Примерно за год до трагической даты он рассказал мне страшный сон, приснившийся ему накануне, и объяснил его содержание тем, что, видимо, "его позвали"... Я превратила весь разговор в шутку, не желая в это верить, и принялась болтать о чем-то пустяшном... А он молча смотрел на меня и печально улыбался одними глазами... Столько лет прошло, а я все еще помню его такой знакомый голос с легкой грустинкой... Я помню тебя, Мансур... Такие люди не стираются из памяти... Они остаются с нами, пока мы живы... Я верю, что где-то в черной бездне над нашими головами светит по ночам такая далекая и такая близкая звезда по имени Мансур... Когда-то я написала стихотворение, которое посвятила ему... Уверена, что строчки приходили одна за другой от нее, от той самой звезды, когда я искала ее, запрокинув голову в небо и вспоминая Мансура...

*Мной кружится Земля, и пружа мой ракет,
Мною солнце восходит и птица поет,
Мною зверь припадает губами к реке,
Мною дудка пастушья звучит вдалеке,
Мною ежится заяц над лесом туман,
Мной по жаркой пустыне идет караван,
Мною снежные хлопья над городом вьются,
Мною в ярости люди за переключку бьются,
Мною жертву свою убивает палач,
Мною дикие кони проносятся вскачь,
Мною ветер в верхних иерет с листвою,
Мною волны вздымаются белой морской,
Мною звездное небо ложится на крыши,
Мной сама беспредельность как жемчуг дашит,
Мной Создатель на эту реальность взвешит,
Мной рождается Он и мной умирает.*

Татьяна РУСТАМЛИ